

Следствие

ведет

писатель

Вечер затянулся... Нет, не так. Совсем не так! «Затянулся» — это когда скучно, и сонно, и непонятно, когда кончится, но очень хочется, чтобы кончилось. А было наоборот — время пролетело. Примерно так: берешь толстый-претолстый детектив (например, трилогию про инспектора Лосева), открываешь, читаешь... читаешь... читаешь... Смотреть на часы и хватаешься за голову: «Ничего себе, зачитался!.. Ну, еще чуть-чуть...». И читаешь дальше.

Вот так оно и было в Доме писателя имени В. В. Маяковского на вечере встречи читателей с Аркадием Григорьевичем Адамовым — основоположником советского детективного романа (без преувеличения!) «Дело пестрых», вышедшее в середине пятидесятых, — первый роман о работе, о жизни советской милиции).

Первым всегда достается по части вопросов: а почему именно вы? А как вам вообще пришло в голову? А почему именно об этом? Так. Давайте по порядку...

— Почему именно я? Это и закономерно, и... случайно, — отвечает Аркадий Григорьевич. — Закономерно, если вспомнить, что наследственность существует: мой отец Григорий Адамов — автор безымянной в свое время книги «Тайна двух океанов». Хотя это и фантастика, но элемент детектива в ней был очень силен. А случайно вот почему: встретил я как-то в 1952 году своего фронтowego товарища. Прямо на улице, случайно. Он меня затащил к себе домой... Вот! И там я познакомился с его отцом. Внешность у того была ничем не примечательная — ну, бухгалтер... Потом оказалось, что это легендарный сыщик. Он возглавлял отдел борьбы с бандитизмом, к тому времени уже почти четверть века работал в угрозыске... В общем, это был, пожалуй, самый интересный вечер в моей жизни. Мой новый знакомый рассказывал так увлеченно и увлекательно — открывались стороны жизни, совершенно незнакомые, новые, — что я тогда загорелся: писать, надо писать!

— И вот сразу появилось «Дело пестрых»...

— Отнюдь не сразу. В те годы бытовала теория, что писать надо только о том, что типично. Определялось просто: чего много — то типично, чего мало — то нетипично... Ну, преступников всегда меньше, чем порядочных людей... Пришлось пробить много «стен», прежде чем роман увидит свет. Тогда ведь даже такой науки, как криминология, не существовало. Только не путай-

те с криминалисткой. Криминалистика — о способах раскрытия преступлений, криминология — о причинах возникновения преступности. Так вот, криминологи не существовало. Как бы! Считалось, что причин для преступности у нас нет... Это много позже «открыли глаза»: что такое? — причин нет, а преступность — увы! — есть... И всерьез занялись делом. Стали изучать своих «предшественников», критически осмысливать. Та же теория Ломброзо. Криминологи взяли ее на вооружение, творчески переработав, применяя для исследования причин преступности во времени — далеко и близко. Как говорил видный советский криминолог профессор Гернет: «Человек рождается за сто лет до своего появления на свет». Не правда ли, перекликается с известной древней восточной мудростью: «Планируешь на год — сей хлеб, планируешь на десятилетия — сажай деревья, планируешь на века — воспитывай детей...».

— Есть вариант... Планируешь на века — пиши книгу.

— Намек ясен! Но тут многое зависит от того, какая получится книга. Я, например, на собственном опыте убедился, что писать нужно только о том, что хорошо знаешь. Ведь когда я впервые перешагнул порог Петровки, 38, то представлял себе дело так: спрашиваю — мне рассказывают — записываю, позже перерабатываю. Ничего не получилось! То есть, да, мне отвечали на вопросы, рассказывали, но... И только когда я решил целиком окупиться в эту среду, когда стал рядовым оперативным работником, когда более двух лет провел на этой службе — только тогда я понял, насколько это сложно, интересно, нужно... Не выпрашивать — а работать. Быть не посторонним наблюдателем, а

товарищем по делу (пусть и не очень опытным)... Но, кстати, когда первая книга была написана и я бегал с ней по редакциям, коллеги по МУРУ шутили: «Если никуда не примут, то возвращайся к нам. На старшего оперативно-го работника ты уже тянешь!» Надо признаться, это было очень лестным комплиментом. Сразу вспоминал, как я первый раз пришел в угрозыск. Мне сказали: «Вам в корпус девять». Я плутал долго, пока не наткнулся на человека с громадной овчаркой на поводке: «Как найти девятый корпус?». Он начал говорить что-то вроде: налево, потом прямо, потом калитка, но в нее входить не надо, а пройти еще наискосок, еще налево, назад, прямо... Потом посмотрел на меня, понял, что не только найти, но и повторить за ним не сумею. Махнул рукой, отстегнул поводок у овчарки и скомандовал: «Флейта! Девятый корпус!» Вот она меня и проводила — шла впереди, на каждом углу садилась, дожидалась. Никаких «улыбок», вялый хвостом... Так и привела. И я подумал: если тут такие собаки служат, то какие же здесь люди работают!!! Шутки — шутками, но когда друзья сказали, что я вполне могу работать на уровне старшего оперативника, было очень приятно...

— В трилогии об инспекторе Лосеве герой (а ведь он действительно герой для множества читателей и зрителей) действует в основном кулаками, ногами, ребром ладони и очень редко... головой. Этими отечественный Бельмондо. Считаете ли вы такой способ общения с преступным миром единственно возможным? Или все же более почетно победить силой ума, силой убеждения?

— Непростой вопрос... И, наверное, справедливый, раз уж он возник. Одно могу сказать наверняка: в трилогии о Лосеве хотелось как раз показать, что герой работает прежде всего головой, что, кстати, является основой всей оперативной работы — а отнюдь не лишние поединки... Но, вероятно, в полной мере этого показать не удалось. Надо будет в будущем.

— Что, кстати, в будущем? По традиции: над чем идет работа?

— Над детективом, само собой разумеется! Новый роман. Что там происходит и чем завершится — сам пока не знаю. Ведь детектив же! Его и писать-то интересней, только догадываясь, чем все может кончиться.

...Беседа продолжалась, ветвилась — увлеклись не только читатели, но и автор...

— А на самом деле все происходило не так, как в книге, а вот как... — говорил Аркадий Григорьевич и рассказывал, сколь долго и трудно группа «вела» опытейшего и опаснейшего преступника Григорьева, который еще в баиле Кошлыкова тон задавал. Прототипом же главного героя был... — продолжал Аркадий Григорьевич и выстраивал нелегкую судьбу подростка послевоенных лет. — И тут началась така-ая история!..

Никто не сетовал на поздний час. Интересно! Еще бы. Думается, каждый из гостей вечера мог бы повторить слова, вынесенные Аркадием Адамовым в название одной из своих книг: «Мой любимый жанр — детектив!».

А. ИЗМАЙЛОВ
Фото Ю. ЩЕННИКОВА